

16+

Антонина Иванова

Не называй его Титаником

АНТОНИНА ИВАНОВА

Не называй его Титаником

«ЛитРес: Самиздат»

2020

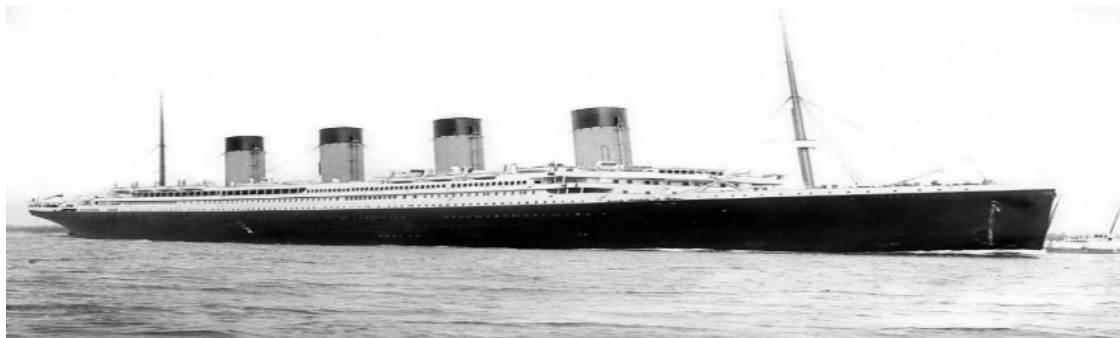
Иванова А. А.

Не называй его Титаником / А. А. Иванова — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

В этой книге описана судьба американского мальчика от безрадостного детства до состоявшего human. Судьба подростка, стремившегося «выйти в люди», черно-белыми всполохами неслась по страшной американской реальности, по африканской непредсказуемости с главной мечтой. И вот она - его мечта, Титаник-2, в реальности. Однако...

Как-то рассматривая семейный альбом американской подруги я обратила внимание на ряд интересных снимков: мужчина, окруженный туземцами; красивая девушка, очень похожая на мою подругу. Только дата под фотографией указывала, что девушка на снимке на 50 лет старше моей подруги. «Это моя прабабушка. Она одна из тех, кто спасся во время гибели Титаника. А это... тот самый Титаник»

Титаник, к которому до сих пор не угасает интерес, и в моем романе стал возвратным дыханием прошлого. А люди из семейного альбома моей подруги, прошедшие через тернии многоликой жизни, стали героями моего романа.

Саманта трагическим взглядом посмотрела на остов гигантского судна и безрадостно произнесла: «Не называй его Титаником». Нежно обнимая жену, Джон мечтательно проговорил: – «Еще никто не построил двойника Титаника. А я... Я построю». – При этом глаза Джона высвечивались азартом выигравшего игрока.

Саманту Джон встретил, когда ему было немного за тридцать. До неё связи с женщинами происходили как лунные приливы и отливы: пришли – ушли. Он искал ту, которая походила бы на первую его любовь из далекой юности. Даже по происшествии времени Джон воспринимал первую любовь как преклонённое чувство, по которому он тосковал и призывал в самые тяжкие времена. И когда он лишился озарившего его счастья, ему казалось, что «земля ушла из-под ног». Утратив смысл жизни Джон отдал себя на волю судьбы. И вот появилась Саманта, которая вдохнула в него живительный глоток упоительного чувства. Саманту он увидел на фотографии. Мистическое сходство с образом первой возлюбленной поразило и взволновало Джона, обозначив в этом перст судьбы. И вся дальнейшая жизнь с ней стала безмерным счастьем. Он снова любил. Отступило чувство одиночества, которое его преследовало много лет. Счастье, которое вдохнула в него Саманта, заполнило душевную пустоту, которая шлейфом тянулась с обездоленного детства.

Джон родился, когда отголоски Великой депрессии ещё держали большинство американцев в помутневшем недопонимании: как такое могло произойти с некогда процветающей страной... И не всем, кого накрыла волна разрушительного банкротства, удалось встроиться в ряды ориентированных на новый виток счастливой будущности. К таким относился и отец Джона, владелец крупной судовой верфи, который вслед за депрессивным коллапсом страны вогнал себя в трясину пьянства и алкогольной отверженности. Оглушенный эхом беспомощности, он утратил интерес к жизни. Единственное, что вызывало просветление в его похмельных глазах – это деревянный кораблик, на котором было выцарапано – ТИТАНИК. Глядя на этот «фантом величия», отец сопоставлял исход исторического гиганта со своим падением с высоты благополучия в никуда. В пьяном недоумении он причитал: «Как это могло произойти... Кто стучил...». И заплетающим языком наставлял Джона: – «Ты должен построить свой Титаник. Точ-

ную копию того... Титаник-2». При этом взгляд отца становился осмысленным, и он внятно проговаривал: «Твой Титаник не должен затонуть». В эти минуты казалось, что, прозрев, отец встанет, сметет со стола весь похмельный атрибут, и начнется другая жизнь. Однако... Всё оставалось таким же никчемным, полной утратой отца к жизни и сыну.

Как-то окинув Джона потускневшим взглядом, глотая пьяные слезы, отец плаксиво посетовал: «И зачем ты родился... Вот кому ты в этой стране нужен... Ни-ко-му. Ну что ждет тебя...». – И ударом кулака по столу вынес окончательный приговор: – Марёха».

Расточать время на жалость к себе мальчику не позволяла сама жизнь – унижительная, жестокая неразборчивостью. Взрослый, малый – никого не щадит. И эта безрадостная жизнь взращивала в мальчике протест бессмысленному прозябанию. Судьба отца и его друзей, в мареве беспробудного пьянства которого он жил, формировала в его подсознании ориентир на будущее: «Я не буду таким. Я не утону в нечистотах унылой жизни». Этот вдохновляющий клич заставлял мальчика самостоятельно выкарабкиваться из духовного мрака.

«Кувыркаясь» в созерцании никчемного нищего окружения, перебиваясь подачками сердобольных соседей, Джон в шесть лет занялся предпринимательством. Бутылочный промысел стал спасением от голодных головокружений. Запас бутылок пополнялся совместными попойками отца с такими же выпивохами, как и он. Стекланный бизнес большого дохода не приносил. Конкурентным было это ремесло. Однако несмотря на малолетний возраст сообразительному малому удалось вклиниться в водоворот этой коммерческой деятельности. Хотя часть прибыли забирал отец на «восстановление здоровья», несколько фунтов, припрятанные в потайных отворотах истрёпанных штанов, будоражили его детское воображение. Пересчитывая свои копейки, мальчик чувствовал душевную эйфорию. А вместе с этим потаенным чувством и некую независимость. При всём разнообразии юдольной жизни Джона вдохновляли минутки созерцания образа Мадонны. В душе маленького мальчика обликом святой Богородицы запечатлелись смутные очертания матушки. Иконка с двояким обликом помогала ему пережить часы горькой безысходности, а в минуты радости он тоже обращается к матушке в лице Богородицы. Мамочка ушла из его жизни, когда ему не было и трех лет. Но присутствие матушки Джон ощущает. Иконку эту он носит всегда с собой. После смерти матери отец не женился и не приводил в дом женщин. В подпитии повторял: «Никто не сравнится с Матильдой моей». Мать Джона звали Матильда. Тетушка Мэри, сестра отца, жалея умершую родственницу, говаривала, что ту сломала безмозглость братца, а доконали несчастную запойное пьянство и депрессия того. Джону из этого жалостливого вздыхания понятно было всё, кроме какой-то депрессии. И от этого непонятого диагноза ему становилось жалко отца. Ютясь в парах дурманящего алкоголя, Джон маленьким сердцем чувствовал глубину отчаяния отца. И будто чувствуя это притяжение, и в роди-теле проблескивало скудное пробуждение отцовства. В глубоком похмелье, приобнимая сына и глядя погаснувшим взором в одну точку, он пытался донести до Джона смысл жизни, в которой сам не нашел своей соломинки. «В стране, которую создали насильем, оплот могущества – это Сила. Стукнув со всей пьяной мочи по столу, добавлял с озлобленной беспомощностью: – И Власть. И Никого над собой». И в этом пьяном беспомощном призыве чувствовалась боль сломленного, подавленного человека.

Но и в этом мире бессилия Джон выхватывал скудные крохи пользы. Пьянчужки, застольщики отца, в хмельном откровении раскрывали свою «риал лайф», из которой их выплеснула штормовая волна экономической катастрофы. Ведь они когда-то тоже были у дел, а некоторые – у очень больших. Сочувствуя сиротской доле Джона, «наставники» пытались как-то скрасить его безрадостное детство. Так один из собутыльников отца из страниц замусоленной книги экономического содержания, единственной в их доме, мастерил для него бумажные кораблики. А сделанный им бумажный змей стал предметом зависти дворовых мальчишек. Одновременно с бумажным ремеслом выпивоха, тыча пальцем в вырванные страницы с непонятными экономическими названиями, обучал Джона и чтению. Скудные тексты с

блеклыми кривыми линиями на выданных листах мальчика совсем не занимали. Однако под шлепки и пьяные окрики надомного учителя в шесть лет Джон научился читать и писать. Эти уроки просвещенного выпивохи осядут в маленькой головке Джона мудрыми наставлениями: «Не учась, в люди не выйдешь». В будущем эти поучения он будет вспоминать с пониманием. А ещё из образовательной программы мальчик вынес и другой жизнеутверждающий постулат: «Не показывай свою слабость». К чему в скором времени Джону и пришлось прибегнуть.

Развлечение с бумажным змеем стало козырным номером в дворовой забаве. Увлекательное зрелище парящего в потоке воздуха змея сопровождалось радостными криками. Вибрирующий хвост из нарезанных полосок бумаги вызывал эйфорические возгласы: «Шуршит»; «А виляет... Как живой». Пируэты бумажного змея, рассекающего воздушное пространство, сопровождалась громкоголосым «Ура». Управляя по очереди летающим аппаратом подростки обменивались ликующими выкриками: «Здорово летает» – «Ага. Дай я подержу...» – «А потом мне...».

В этом водовороте радости вне игры оказался Гас. За свой паскудный характер он давно отвратил от себя местную ребятню, а сейчас в новой игре его «в упор не видели». Гас с нескрываемой завистью наблюдал за развлечением сверстников. И в озлобленной натуре возникла вероломная мысль «Раз не мой, так будет ничей...». С этой мыслью он стал обдумывать, как осуществить гнусное намерение. Коварный замысел, как червь, точил мозг великовозрастного злопыхателя. И вот случай отмщения представился. Бумажный дракон, подхваченный порывом ветра, вырвался и полетел в синюю даль. Все в панике бросились в погоню за удаляющимся змеем. Но недолго тот витал без управления. Бумажная конструкция плавно опустилась недалеко от Гаса. Такое везение даже ошеломило завистника. Но опомнившись, тот схватил змея, упавшего с небес, с намерением скрыться. Но тут пред ним предстал запыхавшийся Джон. Видя, что побег сорвался, Гас решил расправиться со змеем, уплывающим из рук. Он пнул змея, оторвав часть хвоста. Не испугавшись монументального вида дылды, превосходящего в весе, Джон ринулся на злыдня.

Гас, трусливый по натуре, видя воинственно настроенного хозяина змея, побоялся ввязываться в драку и поспешил отступить.

Однако нутро лавочного сынка гложит «жаба». И он решил сменить тактику: предложил Джону бартерный обмен, поменять змея на кепку. Кепи Джона была старой, без козырька и походила на тряпичный «блин». Этот головной атрибут, конечно, требовал замены. Но тут же сработала логика – «Кепка и змей... Ну, и что даст мне этот торг... Змей это... Нет. Ходил в дырявой кепи, и ещё прохожу. А змея подремонтирую, и он ещё порадует своим полётом. А Гас пусть изводится завистью в своей кепке».

А Гаса и не покинуло намерение овладеть змеем. Завладеть и изничтожить, чтобы никому не достался.

И лавочный отпрыск предложил Джону обменять змея на папиросы, которые приворовывал у отца. Этот бартер заставил Джона задуматься. «Папиросы – не кепка. На деньги от проданных папирос можно и кепку приобрести, и ещё кое что». Научный принцип «Деньги делают новые деньги», который мальчик почерпнул из той самой экономической книги, что была источником его знаний, давно подстёгивал на поиски нового денежного дела. Бутылочный бизнес уже не приносил ожидаемого дохода. Отец был уже в таком обреченном состоянии, при котором попойки с собутельниками сошли на нет. А сбор тары на чужих территориях зачастую заканчивался не очень вдохновляющим бегством. А курево – доходный товар. Змея же он смастерит нового. В книге с экономическим содержанием листы еще имеются.

Десять бартерных папирос, проданные подвыпившим матросам по доллару за штуку, принесли как раз те новые денежки, что подтвердили тот научный принцип. И, быть может, эта копилка и заложила в сознании маленького бизнесмена позыв к будущему предпринимательству.

Но скончался отец, и коммерческие дела Джона прервались. Мальчику было восемь лет. А через неделю в дом пришли кредиторы и описали имущество. Да какое там имущество... Из родительского дома мальчик вынес иконку с образом Богородицы и деревянный кораблик, напоминание о завете отца. Покрутившись с неделю среди таких же, как и он бездомников, Джон отправился к соседскому сараю, который не раз служил ему прибежищем. Мальчик сюда сбегал, когда у подвыпившего отца пробуждался воспитательный порыв. Сосед знал о маленьком квартиранте. Отцу, одурманенному алкоголем, убежище мальчика не раскрывал. Жалел малого. Вспоминая мать Джона, сосед тяжело вздыхал: «Какая красавица была. Рано остался мальчонка без материнской ласки».

Сарай был небольшой клетушкой с дырявой крышей. В копне сена Джон устроил спальное ложе. От одиночества, горечи непонимания своего места в этой жизни у мальчика в душе защемило. Вспомнились слова, брошенные пьяным отцом: «Кому ты нужен...» Обида, отчаяние скатились теплой слезой. Достав из-за пазухи небольшую иконку с образом Богородицы, мальчик сухими губами прошептал: – «Мама, мамочка... Где ты...» Слизав солоноватую жидкость, застрявшую в уголке рта, Джон вскинул взгляд вверх. Через брешь с небесной глади, сияя золотистым блеском, просматривалась яркая звезда. В её сверкающем ореоле Джону привиделся женский лик. Он в недоумении приподнялся. Видение не исчезло. Всматриваясь в сияющий нимб, мальчик детским воображением старался разглядеть родной образ. Ему захотелось поделиться с родной мамочкой своими мыслями, но он только повторял: «Мамочка. Мамочка моя...» Обволакивая ласковым взглядом Джона, видение чуть заметно улыбалось. И в его голове, затуманенной чудесными грёзами, прозвучали ободряющие слова: «Я всегда буду с тобой». От этих слов тепло разлилось по телу мальчика. Сердечко замерло от нежного посыла сверху. Джон в смятении откинулся на сушенную траву. Сжав в кулаках комочки прошлогоднего укоса, уже утратившего аромат душистости, мальчик в надежде снова глянул в небесную глубину. Чуть заметный светящийся лучик, след от волшебной звезды, удалялся в звездную даль. Горькое чувство расставания с милым образом охватило Джона. Но он не сомневался, что его мамочка снова к нему придёт. Она всегда будет с ним. «Я всегда буду с тобой» звучало надеждой в утомленном сознании. Умиротворенный мальчик уснул.

Утром в сарай заглянул сосед.

– Пойдем, почистишь конюшню. – Сунув в руку Джона сухарь, сосед зашагал к покосившемуся строению.

Сосед – цирковой артист. Его тоже не обошла стороной экономическая стихия. Когда горькая реальность накрыла обедневшее население, людям стало не до зрелищ. Бродячая труппа распалась. А Мартин промышлял фокусами на рынке за небольшие подачки. Ведь на его попечении были больная жена, акробатка того же цирка, и немощная цирковая лошадь по прозвищу Простушка. Получив серьёзную травму, некогда знаменитая воздушная акробатка превратилась в истеричную женщину. Нелепыми капризами она плотно занимала собой всё время мужа. Поэтому на клячу, утратившую артистическую прыть, Мартин особой заботой не баловал. Просто давал доживать свое.

Вот соседский парнишка и пришелся кстати. На Джона Мартин возложил всю заботу о животине. Большого довольствия сироте не потребуется, не объест. А вот от многих забот избавит.

Увидев тощую артистку, Джон жалостливо посмотрел той в глаза. Глаза «в пол морды» источали тоску. У Джона защемило внутри: «Горемычная, как и я». Простушка стала для Джона партнером по одолению тоскливого одиночества.

День начинался с уборки стойла. Ночлежка лошади была такой узкой, что зайдя в неё, выйти старушка могла только задом. По командам Джона «Выходи. Осторожно. Тихо, тихо. Не торопись. Задом, задом...» – пожилая кляча выходила на свободу. Тихое ржание высказывало довольство освобождением. Мягко похлопывая подопечную по тощему крупу, Джон

довольно подбадривал: «Вот и выбралась. Как в цирке. Не зря артисткой была». Припав на ногу, наклонив голову в благодарном поклоне, так циркачка продемонстрировала своё артистическое умение. Что вызвало у Джона взрыв восторга. В дружеском союзе отправились в поля, на поиски подножного корма. Совместные прогулки единили сиротливые души, скрашивая монотонность жизни. Во время таких походов оба предавались изучению мира, каждый в своем понимании. Окружающий ландшафт пленил цветовым разноцветием. Трава, еще не успевшая привянуть, но пригретая солнцем, издавала тонкий аромат. Простушка не сразу набрасывалась на зеленый харч. Подходила к трапезе выборочно. Пофыркивая, медленно, будто принюхиваясь, лошадь выбирала из растений то, что считала полезным. Ведь надо и потрапезничать, и здоровье поправить. Довольство сытой «пенсионерки» Джон прочитывал в ее благодарственном взгляде. Следуя за Простушкой, Джон, подобно своей напарнице, перебирал травку за травкой. Он уже распознавал многие растения. Пройдя несколько миль по травяным просторам они оказывались у обмелевшего ручья. Освежившись прохладной водой, вдохнув вечернюю прохладу заканчивающегося дня, в приподнятом настроении отправлялись домой. Это было время откровенных бесед. Джон доверительно обнажал детскую душу своей спутнице. И от высказанных откровений мальчику становилось светло. Четвероногая животиная, точно сочувствуя ему, громко фыркала и кивала головой.

Прощаясь, Джон дружески похлопал сухотелую подругу по теплomu боку и подбадривающе проговорил: «Хорошо провели день. Переночуем и завтра снова пойдём искать целебную травку-муравку».

Получив заработанную пайку, Джон отправился в сарай. Устроившись на своём спальном месте, мальчик внутренне вдохновился в предвкушении радостного ожидания. Ежевечернее общение с любимой мамочкой стало зовом души. Оттуда она опекает его, своей любовью даёт ему силы жить в этой безотрадной жизни. Джон закрыл глаза и с благоговением произнёс: «Мамочка, я знаю, ты всегда будешь со мной».

Однажды к соседу зашел скупщик. Он снабжал циркача «обновками» секонд-хенда для его жены. Вот и сейчас он принес кое-что. Среди вторсырья Джон увидел несколько стетсонов. Ковбойская шляпа была давней мечтой. Его кепи-блин потерялась (и было не жалко). А сейчас, когда он выводит на выпас Простушку, стетсон стал просто необходимым. Джон блестящими глазами смотрел на атрибут настоящего ковбоя. Сердце мальчика защемило от предвкушения близости исполнения его мечты. Он достал холщовый мешочек. Пересчитал монетки. Отдав скупщику денежки, рука мальчика невольно потянулась к кожаной ковбойке. Однако секондхендщик подал Джону соломенную шляпу. На облюбованную обновку не хватало несколько пенсов. Заметив удрученный взгляд Джона, мистер Мартин достал затёртый кошелек. Немного помедлив, он протянул торговцу недостающие монеты.

И вот заветное желание в его руках. Сдерживая радость, которая готова была вырваться победным возгласом, Джон надел кожаный стетсон.

Утром, освободив Простушку из заточения, Джон, словно невзначай, дотронулся до шляпы и искоса глянул на свою четвероногую подругу. Ему так хотелось прихвастнуть своей обновкой. Слово поняв, что от неё хотят, Простушка одобрила новый имидж своего друга довольным пофыркиванием. Джон улыбнулся. В благодушном настроении в благодарность за понимание он погладил лошадь по шелковистой холке.

Всю дорогу Джон касался ковбойки, будто боялся, что стетсон унесёт ветром. Умная лошадь подыгрывала ему лучистым взглядом и негромким ржанием. Ликуя в себе, Джон мысленно рассуждал: «А что... Лошадь есть. Стетсон есть. Вполне соответствую ковбойскому статусу». Казалось заурядная обнова, а в образе мальчика всё поменялось. Походка стала другой: размашистой, вольной. Джон почувствовал старше, серьёзнее. Да и поход в луговые просторы утратил рутинный характер. В душевном настроении Джон посмотрел в глаза своей спутнице. И столько теплоты в ответ вылилось из огромных глазищ животного. Припав к её морде Джон

тронуту проговорил: «Я рад, что мы встретили друг друга». Задушевно переговариваясь друг с другом, обследовали новые просторы пастбищевских угодий. И день уже не томил обыденностью. Вечером прощаясь, хотелось, чтобы быстрее наступило утро.

А рано утром мальчика разбудил голос мистера Мартина.

– Джон, к тебе...

«Мама» – радостная мысль промелькнула в сонной голове Джона. Образ матушки из ночного виденья заставил мальчика сорваться с травяной подстилки. Выскочив на улицу, Джон увидел тетушку Мэри. Опираясь на зонт, совмещающий функции опорной трости, та выжидательно смотрела в сторону сарая, будто знала, что именно там его местожительство. Мальчик нехотя подошел к старой родственнице. О существовании тётки Джон знал со слов отца. По его высказываниям особых чувств оба друг к другу не питали. Пронзительный взгляд старухи, так похожий на отцовский, подтверждал родственные связи. Отец так смотрел на Джона, когда мальчик пытался утаить несколько монет от своего предпринимательства. Джон в напряжении смотрел на объявившуюся родственницу. От сверлящего взгляда у мальчика похолодели уши. Указательным пальцем приподняла Джона за подбородок.

– Поедешь со мной, – сказала родственница, как отрезала.

Поняв, что это приговор, Джон кинулся к Простушке. Обнимая лошадь, Джон виновато шепнул: «Прости. Так надо...». Почему «так надо» мальчик и сам не знал. Со слезами он побежал в сарай. С холщевым мешочком, в котором Джон хранил дорогие сердцу иконку Богородицы и деревянный ботинок, нехотя подошёл к родственнице.

Всю дорогу тётушка пеняла на никудышного своего брата.

– Не оправдал братец родовую фамилию. Форвард – мыслящий, идущий вперед. Твой отец изничтожил суть своего назначения. Много ещё чего говорила родственница, но Джон не слышал ее. Прижимая холщёвый мешочек, он мысленно обращался в небесную даль. «Мама, мамочка... Не оставь меня».

Чтобы привлечь внимание мальчика, говорливая тётушка ткнула пальцем его в лоб.

– Тебя-то я выведу в люди. Ты станешь настоящим human.

Но делать самой из племянника «настоящего human» оказалось обременительным. Уже через неделю тетушка Мэри отдала его в закрытый пансион.

Обучение в этом учебном заведении проводилось по обычным канонам. Порка, как метод обучения, применялась ко всем, не взирая на социальный статус обучаемого. Однако этот способ вколачивания знаний и норм поведения Джона не испугал. К такой выучке частенько прибегал и отец.

Первую порцию розог Джон получил за то, что поправил учителя в произношении своей фамилии. И если отцовские порки он принимал как обыденное поучение, то наказание, и как считал Джон, несправедливое мальчика возмутило. И он опять был наказан. И снова взбунтовался. И ещё получил... Да, пробиваться «в люди» – канительное дело. Но Джон действительно хотел вылезти из той трясины, в которой погрязли отец и его собутыльники. И несмотря на свою уничижительность эти бедолаги закладывали в его маленькую головку установку на другую жизнь, отличную от их прозябающей.

В отношениях между учащимися тоже бытовала иерархия унижительного повиновения. И всегда находился предводитель, который устанавливал эту законность. Им был Сэм Бакер. Выросший на «дне общества», озлобленный за свою детскую отверженность, Бакер вымещал раздраженность на слабых или на ребятах, которые своим интеллектом превышали его слабоумие. Отмороженный Бак (пансионная кличка) не раз пытался спровоцировать Джона на выяснения личностных разногласий. Но Джон словесные перепалки старался не переводить в военные действия. Ведь Бакер – гнусный интриган. Не раз подставляя кого-либо под розги, оставаясь при этом «не при делах». Держа в страхе большую часть воспитанников пансиона, вздорный Бак особенно допекал Дэвида Уокера. Попав в пансион на год раньше Джона, скром-

ный «очкарик» в полной мере испытывал на себе перепады настроения дикого Бака. Даже принадлежность Уокера к олигархическому финансовому сообществу не ставила его в статус неприкосновенных. Напротив, его интеллигентность, наивность вызывала у озлобленного Бакера обостренную агрессивность.

Джону Дэвид приглянулся сразу. Войдя в класс, Джон увидел одно из свободных мест рядом с учеником в очках с большими линзами. Они делали мальчишку потерянным. Но что-то внутри подсказало Джону об отличительности этого одиночки. И он сел рядом с очкариком.

Оказалось, что у Джона и Дэвида было и кое-что объединяющее. Это противостояние несправедливости. Хотя во внешности Дэвида Уокера проглядывали неуверенность и физическая беспомощность – внутри он был бойцом. Его меткие высказывания могли «пригвоздить» обидчика, определив точную его сущность. И это иногда было действеннее, чем махание кулаками. За это «заумный очкарик» получал по полной. Но начитанность и доброта неказистого Дэвида выделяли из общей среды учащихся.

Так же, как и Дэвид, Джон не симпатизировал малограмотным преподавателям, про которых Дэвид как-то высказался: «У них две извилины и те параллельные». Он не раз ставил в тупик безграмотных преподавателей. За мозговое унижение бездарных учителей ученик получал свою порцию наказания. Но друзья чувствовали скрытое удовлетворение, как возмездие за телесные наказания. Джону было интересно общаться с умным Уокером.

Была еще причина, которая притягивала подростков друг к другу. У обоих не было мам. Единство друзей раздражало Бакера. Как-то войдя в класс, где после занятий Джон и Дэвид мастерили бумажные поделки, Бакер остановился у парты одноклассников. Криво усмехаясь, он смахнул на пол бумажный кораблик. Дэвид протянул руку, чтобы поднять. С хладнокровной ухмылкой тот наступил на руку Дэвиду. Grimаса боли отобразилась на лице друга. Джон вскочил с намерением защитить друга. Но кулак верзилы тут же оказался у его носа. Мальчик с глухим рыком набросился на ухмыляющегося Бакера. Повиснув на ненавистнике Джон наносил хуки по всем местам противника, куда мог достать его ожесточившийся кулак. Отпрянув от очередного удара, детина споткнулся о нижний край парты и упал. Взбунтовавшийся Джон прыгнул на противника. Ненависть переполняла подростка. Тумаки сыпались с отчаянной силой. Удар... И класс пронзил громкий вопль. Рывок за шиворот сюртука оторвал Джона от вопящего Сэма. Глаза преподавателя источали ненависть именно к Джону. Мальчик понимал, что разбираться в справедливости происшедшего тот не будет. Розги надолго оставили след на спине Джона. Но сокрушительный отпор недругу прославил мальчика. По пансиону стали ходить слухи о непокорном Форварде. Каждая новая молва обрастала невероятной характеристикой победителя. И Джона, и Дэвида уже не цепляли. Дэвид Уокер с искренней симпатией привязался к Джону.

Вскоре отец Дэвида забрал сына из пансиона.

Прощаясь, друзья пообещали друг другу «не теряться».

Никогда не обременённая ни семьёй, ни детьми тетушка и не предвидела, какой груз ляжет на неё и её бюджет, пока племянник будет пробираться «в люди». Поэтому решив, что племянник получил достаточное образование (два года вместо пяти), тётушка финансирование прекратила.

И занялась поисками того, кому сможет передать свои проблемные обязательства. И нашла. Вспомнила, что в молодости приютила малолетнего родственника. Сейчас у того был какой-то бизнес. Значит сможет и долг оплатить. Для связи с этим родственником тетушке пришлось проявить присущую ей настойчивость. Двигал тётушкой и нравственный мотив: она не хотела, чтобы в их роду был ещё один потерянный Форвард. Чтобы «не упасть в глазах» бизнесмена, тётушка секунд-хендским одеянием придала Джону вид некой благопристойности. Из скудного гардероба Джону больше всего приглянулись брюки с потаенным карманом. Опу-

стив руку в углубление штанов, мальчик подумал: «Этот тиккет-покет подойдет для хранения монет». Ведь Джон был уверен, что когда-нибудь в его кармашке появятся новые сбережения.

И будто прочитав мысли племянника, тетушка на Рождество одарила его долларом со словами: «Вот выйдешь в люди, вернешь сторицей». Спрятав монету в тайный кармашек, Джон вдохновенно подумал: «Вот и прибыло...».

Отправляя Джона к сородичу, покровительница напутствовала:

– Коль не спился, не пошёл ко дну – значит научит этому и тебя. А ты впитывай, впитывай и на ум всё бери.

Мистер Мур, у которого Джон должен продолжить жизненное образование, был небольшого роста, худощав. Казалось, что его подростковый вид должен соединять в себе мягкость и детское простодушие. Однако это только так казалось...

Пройдя суровую школу жизни, которая наложила свой отпечаток на формирование характера предпринимателя, этот человек имел жесткий взгляд на всё происходящее вокруг. Ни компаньонам, ни своим работникам он не позволял ни на минуту сомневаться в его неприемлемых оценках их деятельности. Его крутой нрав у первых вызывал раздражение, у вторых – страх. Его жесткость зачастую переходила в нещадную жестокость. Рукоприкладство было естественным разъяснением работникам их обязанностей. При виде хозяина одних работников бросало в дрожь, у других – сжимались кулаки. Последняя выходка хозяина, когда он окунул подростка в мыльный раствор и продержал его в нём, пока тот не обмяк, вызвала немое оцепенение.

Однако роптать вслух никто не смел. Безработица в стране и голод держали работников в том же страхе, что и хозяин. Синдром отверженных охватил всю страну.

Подобный симптом испытал когда-то и сам Пол Мур, когда упорядоченная его жизнь попала под молот банковского краха. Построенное многими годами благополучие рушилось, как картонный домик под налетевшим ураганом. Продажа мыльной продукции упала, будто население Америки перестало мыться. Во многих семьях стали использовать натуральные дары природы. Благо, в нескольких милях от их предместья проросло мыльное дерево, сапинус. От большого мыльного бизнеса мистера Мура остался незначительный задел: небольшой мыловаренный заводик и лавка по сбыту мыльной продукции. Настали времена, когда каждый цент был на счету. Дыхание катастрофы ощущалось ежедневно.

А тут ещё какая-то родственница предьявляла восполнение им долга, за услугу, когда-то предоставленную ею. Пол Мур помнил этот эпизод из его жизни. Названная родственница, тогда ещё молодая девушка, приняла его десятилетнего пацана, когда он сбежал от отчима-садиста. Вскоре родственные чувства у благодетельницы погасли, и через неделю она сдала его в приют. И пошли его скитания по жизненным колдобинам: ночевки в трущобах; драки, с такими же как он, за хвост помойной рыбы; воровство. Украденное мыло и привело его в мыльный бизнес. Украл – продал, ещё украл... Тюрьмы избежал чудом. Спас предприимчивого мальчика один торговец. Поймал за руку и привел в свой дом. Учил, бил, снова учил. Несмотря на суровую школу бежать не хотелось. Что-то предупредительно подсказывало: именно здесь он получит то, что станет в будущем его опорой. Торговец учил всем азам торгового дела. Пол оказался хорошим учеником. Острый ум, приобретенный капитал стали стартом в самостоятельный путь к независимой жизни. Однако судьба, уже успешного предпринимателя, снова подвергла испытаниям. Он оказался с утраченным бизнесом, в поисках выхода. И сейчас ему было не до родственных чувств. Напор тетушки Мэри вызывал у мистера Мура раздражение. Однако он знал, что занудным настырством навязчивая родственница не оставит его в покое. Продумав, какую пользу можно извлечь из малолетнего родственника, Пол Мур на четвертое послание «заботливой» сродницы согласился принять юнца, раздражённо подумав: «Появилась родня – на голову обуза и возня».

Джона родственник определил помощником к продавцу, который внешне походил на его недруга Сэма Бакера. И по мистическому совпадению и звали его Сэмом. Сэм Паркер сразу показал свои права по старшинству, что напомнило Джону пансионные дни. Это сразу вызвало неприязнь к двойнику. Антипатия усилилась, когда Джон заприметил, что Паркер наушничают хозяину. Разобраться с доносителем помешал вердикт хозяина. Тот уволил Сэма (зачем нужен лишний рот, когда есть бедный родственник). Для поддержания на плаву своего мыльного производства мистер Мур выжимал из своих работников предельные возможности. Грядущий день не радовал ни хозяина, ни наёмных работников. Каждый вечер хозяин за подведением итогов устраивал назидательный разнос всем без исключения. Недовольство мистера Мура было всё более раздражительнее и огульными.

Будто работники и Джон виноваты, что покупателей перестали интересовать моющие средства. Но ведь «кусочек мыла на тост не намажешь». Встряску дальнего родственника мальчик воспринимал молча, но внутренне с участью бесправного не мирился. Бросая в спину родственника гневный взгляд, нашептывал: «Перетерплю. Все равно бежать некуда. А потом...». Что «потом» ... Джон пока не знал.

Да ему и самому было тошно целыми днями прислушиваться к молчащему колокольчику. Как-то шлифуя мыльный брусок, Джон выстрогал кораблик. И пошло, и поехало. На прилавке появились мыльные изделия, изумляющие искусной работой. В лавку стала забегать ребятня, с любопытством рассматривая мыльную феерию. Как-то в лавку зашла и дочь еврея-трейдера, их соседа. Обойдя витрину с мыльной продукцией, девушка остановила изумляющий взгляд на мыльной бабочке.

– Красивая.

– Красивая, – тихо произнёс Джон. Признание было адресовано девушке, от которой он не мог отвести глаз.

Лучи солнца редко заглядывали в их мыльную лавку. И Джон уже прижился в окружающей серости. Даже разноцветие мыльных изделий не приносило радужного настроения. А сейчас... Будто солнце взорвалось и яркими лучами осветило помещение небольшой лавочки. Девушка в солнечном ореоле казалась сказочной принцессой. Волосы с медным отливом, спадающие по плечам, походили на огненные всполохи. И глаза... Синие, синие, как васильки на поляне, где они паслись с Простушкой. Поглощённый красотой незнакомки, Джон стоял недвижим. Ему хотелось заговорить... но не владея ораторскими способностями, он вовсе растерялся. Краснея и переминаясь с ноги на ногу, боясь совсем впасть в бездыханное состояние, он, смущаясь, произнёс.

– Красивая.

Видимо поняв кому направлен посыл продавца, девушка улыбнулась.

– Меня зовут Клер, – в прозвучавшем представлении не было робости. Видя заторможенность юного продавца девушка спросила: – А как тебя зовут... Не получив ответа пошла к выходу.

Обернувшись уже у дверей, незнакомка окинула Джона лучезарным взглядом. И от этого взгляда у юноши загорелось внутри. Джону показалось, что образ прекрасной незнакомки явился из сказочного сновидения. Он даже невольно прикрыл глаза. Посмотрев вслед девушки, окутанной золотистой аурой, Джон, вдруг опомнившись, выкрикнул:

– Джон... Я – Джон.

На следующий день девушка снова пришла. Подойдя к витрине, она показала на бабочку.

– Я её куплю. – Бросив быстрый взгляд на Джона, Клер, отвернув край передника, достала из кармана шиллинг. Протянув Джону монету, она спросила: – А ещё будут новые фигурки...

Джон, молча, кивнул.

Джон не мог дождаться конца рабочего дня. Ему хотелось сделать такое... чтобы опять услышать восхищенные слова и увидеть небесный блеск в глазах прекрасной соседки. Эта

синева обволокла его сознание, и он потерялся в ощущениях непонятных чувств, но таких прекрасных. Такого он ещё не испытывал. И Джону захотелось сотворить волшебство, от которого глаза прекрасной леди загорелись бы лучистым блеском. В этом необычном состоянии Джон стал фантазировать над мыльным бруском. Смешивая краски и помешивая мыльную стружку, он уже видел то, что в его воображении должно покорить Клер. В этот мыльный отломок он предполагал вложить свой душевный порыв, который в молчаливом созерцании расскажет о его чувствах. И вот ожидаемое творение, на которое он возлагал окрыляющие помыслы, готово. Джон замер. Изогнутые линии лепестков ажурного цветка придавали тому природное изящество. В прозрачных листочках играли разноцветные световые блики. Хрустальные капельки воска точь-в-точь напоминали утреннюю росу. И всё это создавало впечатление живости и натуральности. Казалось, цветок источает аромат. Джон бережно уложил цветок в коробочку. В душе молодого человека было волнительно и сладостно. Джона охватило незнакомое до сих пор чувство. Он из обычного подростка превратился в юношу с пылающим сердцем.

С самого утра Джон в волнении ожидал прихода Клер. Слыша колокольчик, извещающий о приходе посетителя, он внутренне напрягался. И так весь день.

Клер пришла к концу рабочего дня. Он с замиранием смотрел на девушку. Казалось, что в дверях стояла фея, от которой останавливается дыхание. В волнении Джон опять не смог проронить ни слова. Клер уверенно подошла к прилавку и окинула его заинтересованным взглядом. Молодой продавец неуверенно протянул девушке коробочку.

– Вот...

Клер открыла коробочку... и застыла в изумлении.

– Это... Это чудо. Цветок дышит. Вы волшебник.

Как же хотелось ему с гордостью сказать: «Да, я такой...». Но затаив вдох Джон только влюблёнными глазами смотрел на девушку. Девушка тихо сказала:

– Я его куплю.

– Нет. – Вырвавшееся на выдохе короткое слово прозвучало как выстрел. Девушка в недоумении посмотрела на Джона.

Спохватившись, юноша трогательно произнес:

– Денег не надо. Этот цветок я сделал для тебя, – смущение опалило его лицо. Джон в ожидании замер.

Глаза девушки излучали небесное свечение. И вдруг Джона будто коротнуло. Испугавшись, что Клер исчезнет, он торопливо проговорил:

– Мой рабочий день уже закончился. Может... погуляем.

Девушка-фея ответила:

– Я согласна. – Ни в голосе, ни во внешнем облике девушки не проступило ни скованности, ни смущения. Улыбнувшись, Клер искренне произнесла: – Как можно отказать волшебнику.

Безграничное счастье заполнило юношу. Его настрою соответствовал и вечер. Вокруг всё светилось от ещё не зашедшего за горизонт солнца, легкий ветерок нежным прикосновением ласкал лицо. И в этом волшебстве Клер ему представлялась неземной принцессой. Джону хотелось смотреть только на неё. Он видел, что и девушке по душе их совместное времяпрепровождения.

Глянув проникновенно на Джона, совершенно серьёзно девушка произнесла:

– Я в восторге от твоего дара. Такое сотворить может только искусник. В твоих поделках чувствуется живое отражение природы. Эмоциональное высказывание Клер напоминало мелодичное звучание. Джон готов слушать девушку бесконечно.

– Расскажи, как ты передаёшь красоту в таком совершенстве. Твоя бабочка – воплощение подлинной натуры. А этот цветок... – Клер с придыханием открыла коробочку – это художественное произведение. Какая муза вдохновляет тебя... – девушка лукаво улыбнулась.

В глазах Джона появились озорные огоньки, и он выпалил:

– Простушка.

– Простушка... Это кто...

– Старая лошадь-циркачка, с которой нас свела судьба.

Удивленный взгляд Клер побудил Джона воскресить давние воспоминания. И он с неумным выплеском стал рассказывать о своем безрадостном детстве, дружбе с цирковой лошадью.

Клер с пониманием слушала юношу.

– Ты видел свою маму. У тебя есть с кем её сравнивать. Я маму совсем не видела. Она только подарила мне жизнь и ушла... – тихо произнесла девушка. Но в её голосе не чувствовалось горечи утраты. – Со мной с самого рождения находится папина сестра, тетушка Анат. Она добрая, заботливая. Наверное, такой и должна быть мама.

– Наверное... – неуверенно подтвердил Джон. И, как бы сочувствуя им обоим, подумал: «Вот и с Клер у нас общая отметина судьбы». И в сердечном порыве, вдохновенно произнес: – А ты похожа на мою маму... – смутившись, уточнил: – То есть на Мадонну... Ну, на ту Богородицу... – запутавшись в сравнении близких ему образов Джон растерянно замолчал. В этот вечер общения у Джона появилось ощущение такой близости, будто Клер давно была самым родным для него человеком. А ещё он почувствовал, что и Клер была в душевной доверительности к нему. Блеск в её глазах, лёгкое касание её рук вдохновляли на ответное чувство.

Сказанное девушкой «До завтра» зовущим и манящим звучало в его душе.

Весь день Джон прибывал в ожидании.

Появление в дверях Клер вызвало облегченный выдох и эйфорию чувств.

Этот вечер, а затем и следующий, и следующий... были радостными и полны ожиданием. Ведь каждый вечер прощаясь, Клер говорила «До завтра».

В Клер Джона восхищало всё. А её начитанность стало насущной потребностью в его непросветленной жизни. Ему так хотелось красиво говорить, выражать складно свои мысли. Ведь его косноязычность мешала в полной мере насладиться упоением их встреч. Увлекающие беседы Клер открывали перед ним совсем иное миропонимание. Всё, чем обогащала его Клер, в его семнадцать лет становилось откровением. Он удивлялся, обнаруживая в себе качества, о которых и не подозревал. Клер его подняла в его же глазах.

И было тягостно расставаться, когда Клер сказала, что каникулы закончились, и ей надо уезжать в колледж. Последний вечер они провели почти в молчаливом отчаянии. Глаза Клер уже не излучали радостного излучения. Не ощущалось и великолепия в природе. Односложные, чередующие с междометиями ответы Джона вызывали трогательную улыбку у Клер. Прощаясь, Клер подарила ему книгу и поцеловала в щеку. От волнения у Джона навернулись слезы.

– Я напишу тебе. Обязательно, – в голосе девушки было столько искренности и сердечности, что у Джона всё замерло внутри. И он уже не сомневался в чувстве, которое делало его жизнь осмысленной.

Зная, что Клер уехала, однако при каждом звуке колокольчика Джон с надеждой смотрел на дверь.

Пережить разлуку помогала подаренная Клер книга. Читая её, Джон вновь переживал эпизоды своего жалкого детства. Отвага маленького героя, его выживаемость в сложных обстоятельствах были сродни ему. Книга по праву была путеводителем в противоречивом мире и людей. Ведь закон джунглей «Право сильнейшего» походил на человеческий, о котором ему толковал отец.

Как-то в лавку зашёл сосед-торговец. Джон в придыхании посмотрел на входную дверь. Но Клер там не было. Осмотрев товар, трейдер подошел к нему и, молча, положил перед

ним сложенный листок. Не говоря ни слова, торговец резко повернулся и вышел. Джон, волнуясь, развернул белый листок. «Здравствуй, Джон. Я обещала написать, и вот пишу. У меня в разгаре учебная пора. Появились новые предметы. Особенно меня заинтересовали занятия по естествознанию. Возможно твои рассказы о ваших прогулках с Простушкой побудили и меня увлечься этой наукой. Я вспоминаю и наши прогулки. Если сочтешь не затруднительным, напиши, какие ещё изумительные поделки ты сделал. Джон, я рада нашему знакомству».

Каждое слово в письме отдавалось в душе Джона ликованием. Клер спрашивает о новых изделиях. Будут. Много. И во всех будет отражаться её красота. И воодушевление взорвало Джона. Всплеск активности, подпитанный посланием Клер, вылился в новые формы, новые творческие идеи. Мыльные поделки восхищали покупателей.

А Мистер Мур не вдавался в причины столь повышенной креативности Джона. Для него главным было покупаемость его товара. А товар мистера Мура стал покупаемым не только в их округе. Мыльные фигурки, упакованные в красочные коробочки, пользовались огромным успехом уже и в соседних штатах. Мыльное производство тоже ширилось.

Гигантская экономическая волна, смывшая когда-то благополучие большинства американцев, пошла вспять, оставив на дне тех, кто оказался, как говорят, без стержня. У мистера Мура стержень был. Почувствовав облегченный выдох страны, мистер Мур с неуёмным рвением ринулся возрождаться «из пепла». Щуплая фигура мыловара металась между котлами, его призывной голос слышался в разных концах мыловарни. И вот, производство уже вернулось на уровень до кризисного состояния. Внутренне он себе признавался, что несомненному успеху способствовала деловитость молодого родственника. Но вслух восхвалять молодого родственника не спешил. «Хваленого берегись пуще хаянного. Пусть работает».

Однако, за всеми отговорками Пол Мур только молодого родственника видел приемником. С усмешкой вспоминая упорство старой родственницы, благодарно отмечал: «Полезного мальчика подсунула старая».

Как-то, довольно потирая руки, мистер Мур радостно произнес:

– Сегодня заключил отличную сделку с Азарием. Он весь твой ассортимент скупил. И заказал ещё. Он ведь по всем штатам разъезжает. Отличная реклама будет нашему продукту. Так что твори, а я прослежу. Буду держать на контроле твой производственный тонус, – ухмыльнулся родственник.

Но Джон радостью родственника не проникся. На душе было муторно. Он так и не написал ответ Клер. «Если сочтешь не затруднительным, напиши...» – для него оказалось очень затруднительным выложить на бумаге сердечные слова.

Каждый вечер Джон садился перед чистым листком... В голове чуть ли не поэма складывалась, а на бумагу проникновенные слова не ложились. Кроме чудесного имени «Клер» написать ничего не смог. Сидя над листом бумаги, полностью исписанным только одним словом, Джон, как заклинание, повторял «Клер, Клер, Клер...».

Выражать свои чувства словами Джон никогда не мог, и как выяснилось, на бумаге тоже не получается. Но о любви говорят его глаза. Вот Клер приедет, они ей всё скажут.

И ждал Джон похвалы не от родственника, ему хотелось удивлять Клер, и слышать от неё восторгающие слова. Однако и довольный взгляд мистера Мура при подсчете дневной выручки от Джона не ускользал. И совсем не лишние были скромные премиальные к его небольшой зарплате. К серебряной монетке, подаренной когда-то тетушкой, Джон уже отложил некую сумму. А теперь, когда в его жизни появилась Клер, тетушкин посыл «выйти в люди» оставался более чем актуальным.

В эйфории душевного подъёма Джон строил планы на дальнейшее совершенствование своего мастерства. А это молодому работнику удавалось с лёгкостью.

Укрепляя производство мистера Мура, Джон частенько вспоминал и умное изречение тетушки Мэри: «Никакие учебные заведения не сделают то, что может сделать для себя умный

человек». «Права тетушка...» – отметил Джон прозорливость умершей родственницы. Работа в мыльном производстве мистера Мура стала для Джона настоящей ака-демией. Некогда непонятные научные термины «дебет» «кредит» «прибыль», «спрос» из первой книги его детства сейчас обрели смысловое значение. А практические навыки под недремлющим оком родственника отшлифовали его предпринимательскую хватку. Их разнообразный товар пользовался особым спросом на мыльном рынке.

Деловитость юного родственника напоминала Полу его самого. При очередном успехе Джона мылодел довольно подумывал: «Моя хватка». И в родстве уже не сомневался: «Такой умелец может быть и родственником». Однако деловая взыскательность к признанному родственнику не изменилась. «Давай работай; включай мозги; не тормози» – эти окрики сопровождали Джона весь производственный процесс.

И Джон давал. Каждый его новый продукт становилось всплеском в мыльном производстве. Шампунь, жидкое мыльное средство, представленное Джоном, нашло достойное место в ряду моющих новшеств. Вскоре Джон представил и другую новинку – ароматизированные отдушки. Его пытливый ум искал всё новые технологии мыльной продукции. Производство мистера Мура процветало и ширилось. Немалый доход влился в нескучный финансовый поток мистера Мура. Джон понимал, что значительная доля этого успеха – его. И это наводило на мысль: «Не пора ли начать своё дело».

Пол Мур видел рвение Джона к самостоятельности. «Возможно когда-нибудь... Но сейчас родственник со своим продвинутым умом нужен мне здесь», – взвешенно рассуждал мыльный промышленник.

И Джон терпеливо выжидал этого «когда-нибудь». А мистер Мур не спешил отпускать родственника в свободное плавание. Но сдерживающие узды мистера Мура Джона не удручали. Ведь у него теперь есть Клер. А девиз «Никого над собой» отцовским голосом будет двигать его к независимости.

Временами, прокручивая в памяти прошлые годы, мистер Мур задумывался над будущностью своего продвигающегося дела. Из памяти ещё не стёрлись чёрные дни великого экономического краха, из которого он выкарабкался, «ободрав ладони в кровь, разодрав душу в клочья». Не все смогли выбраться из этой черной дыры. А он не только вылез, но и хорошо поднялся. Кто же это всё сохранит, приумножит... На кого он может положиться... И кроме Джона преемником никого не предвидел. «Этот малый показал себя толковым. Только такого склада человек сможет вытащить и себя, и бизнес из пучины отчаяния» – думал мыловар о своём молодом родственнике. Джон отмечал, что хозяин мыльной индустрии относится к нему с видимым пиететом. Обходя мыловаренные цеха, вдыхая ароматизированные запахи мыльного варева, видя успех своего творчества Джон уже не чувствовал себя бедным родственником. Сопричастность к преуспевающему бизнесу мистера Мура укрепляла в Джоне желание творить. Сделав основой мыловаренного производства растительные составляющие, исключив животные жиры, Джон ещё более потрафил родственнику, который был приверженцем вегетарианства. Веганский товар стал фишкой на американском и европейском рынках. Радуюсь явным успехам Джон всегда думал о Клер. А письма он ей так и не написал. То есть написал... Но только одно имя, которое он и во сне произносил с придыханием, было написано в ответном послании. Целый лист – одно имя, и больше ничего.

«Однако скоро День Благодарения. Клер должна приехать домой. Вот тогда...», – вдохновлял себя Джон, трепетно ожидая этого дня.

Накануне Дня Благодарения Клер приехала на каникулы.

Войдя в магазин, осмотревшись и не увидев за прилавком Джона, Клер как-то померкла. Но разнообразный арсенал мыльных фигурок вдохновил девушку.

– А здесь работал Джон...

– Работал, – не сводя глаз с незнакомки, исполнительно произнёс продавец.

– А где он сейчас...

– Он теперь в цехах работает. Но заходит посмотреть, как реализуется товар.

С Джоном Клер столкнулась в дверях, когда выходила из магазина. Чуть не уронив ящик с мыльной продукцией, юноша осторожно поставил его у ног девушки, отгородив ей путь к отступлению. И как в первый раз их знакомства дыхание перехватило. Однако он быстро пришел в себя, и, взяв Клер за руку, помог ей обойти преграду. Так, взяв-шись за руки, они дошли до городского парка. Сердце у Джона колотилось, словно пойманная в силки птица. Он крепко, не ощущая этого, сжимал руку Клер. Понимающая улыбка на её прекрасном лице наполняла его ликующей радостью. Джону хотелось так много сказать девушке, предугадывать любое её желание. Но слова застряли в лабиринте его чувств. Говорили его глаза. Восторженный блеск ярче слов демонстрировал его счастье, наслаждение любоваться Клер. И опять больше говорила Клер. Она призналась ему, что сначала была в замешательстве от его безмолвия. И задорно засмеялась, услышав, что он ей написал целый лист... Обратив свой лучистый взгляд на Джона, Клер озорно поинтересовалась: а не появилась ли у него девушка...

Джон в растерянности остановился. «Нет. Нет» – застряло на выдохе. Боясь, что его замешательство Клер не правильно воспримет, Джон с порывом произнёс:

– Это ты. Ты – моя девушка.

От этого признания у Джона волнительно заколотилось сердце. Дыхание перехватило. Но его влюбленный взгляд говорил больше, чем не высказанные слова. Когда девушка стала прощаться, Джон, сожалея о мгновенно пролетевшем времени, робко предложил:

– Может еще погуляем...

– Сегодня вернётся отец. Я должна быть дома, – и протянула Джону руку. Рука была теплая, мягкая. Ему очень не хотелось выпускать эту милую ручку. Клер нежно улыбнулась. В её глазах Джон прочитал ответ на его чувства. «До завтра», сказанное его девушкой, прозвучало обещающим продолжением их сердечного влечения.

Джон с блаженной улыбкой думал о Клер и завтрашнем дне. И этот день он воспроизводил в самых окрыляющих сценках. Видения были прекрасными, а он – самым счастливым в этом городе.

В День Благодарения мистер Мур устроил обед для своих подчиненных. Этот ленч был по-настоящему праздничным. Обилие яств на столе говорило, что скудное время в прошлом. Вегетарианство мистера Мура не позволяло зажарить индейку, однако птица, как эмблема праздника, присутствовала. Под восторженные возгласы пернатый символ водрузили на стол. Воздав индюшке почести горсткой овса, её помиловали. Обрадованная господней милостью птица, тряхнув алой бородой, неспешно передвигая мощными ногами, под бурные аплодисменты спрыгнула со стола и скрылась. Наблюдая, как сидящие за столом замерли в благодарственной молитве, Джон тоже склонил голову в покорности. Он знал за что надо благодарить Всевышнего. С чувством одухотворенности молодой человек про себя произнес: «Господи! Спасибо за счастье, которым ты меня вознаградил в лице Клер».

Желание увидеть Клер было так велико, что он не мог дождаться конца праздничного застолья. Заметив, что мистер Мур отлучился, Джон тоже покинул веселое празднество. Ноги сами понесли к дому Клер.

Небольшое поместье находилось за невысокой оградой, обвитой ипомеей. Зеленая изгородь с яркими на ней цветами сегодня особенно вписывалась в праздничный наряд города. Праздник был и на душе Джона.

Присев на пригорке за невысокими посадками, недалеко от дома девушки, Джон пригнулся к ожиданию.

Клер вскоре вышла. Джон спешно направился ей навстречу.

– Здравствуй... – окрыленно выдохнул Джон. – Пусть сегодняшний день будет для тебя... – не закончив пожелание, которое обычно произносят в праздничные дни, он замер под сияющим взглядом Клер.

Девушка непринуждённо продолжила:

– Радостным. И тебе хорошего дня, – и улыбнулась.

Переполненный радостью встречи Джону хотелось сказать Клер о том, чего он не смог написать в письме. Однако мысли путались, и он тихо произнёс:

– Сегодня такой день...

– Какой... – игриво произнесла Клер, окинув юношу радужным взглядом.

– Счастливый, – прошептал Джон. – Вот... – и протянул девушке коробочку.

Бережно взяв в руки коробочку, Клер осторожно открыла её и замерла: внутри мыльной ажурной ракушки, играя в солнечном свете алыми бликами, находилось сердечко. Казалось оно вибрирует.

– Какое чудо, – это было сказано с восторженным сиянием в глазах.

Чувственный вихрь охватил Джона. Он подхватил Клер и закружил. Всё вокруг казалось кружится в вихре его чувств. В этом головокружительном фейерверке хотелось всем сообщать, что он счастлив.

Поставив девушку, Джон в смущении покраснел. А Клер одобрительно засмеялась. И от этого смеха ему было ещё отраднее. Джон тихо произнёс:

– Я люблю. – И от сказанного внутри разлился огонь сказочной благодати.

Взволнованная девушка улыбалась.

Прекрасному настрою Джона отвечали и красочный город; и запущенные в воздух шары, медленно покачивающиеся на тонких тросиках; и аромат цветов, подхваченный дуновением осеннего ветерка.

Проникнутая откровением Джона, Клер взяла Джона за руку, и они вклинились в гущу гуляющей толпы. Громкие разговоры, пение, смех закрутили в эмоциональном вихре. Всё было переполнено любовью.

Когда оказались у ворот дома Клер, Джон сожалеюще посмотрел на девушку: «Ну почему время так стремительно летит». Увидев в окне силуэт отца, Клер направилась в дом. Обернувшись, девушка обещающе произнесла:

– До завтра.

– Я буду ежеминутно ждать завтрашнего дня, – с придыханием произнес Джон.

Рассмеявшись, Клер скрылась за многоцветным убранством своего дома.

Весь вечер Джон ощущал присутствие Клер. Ее улыбка, бархатистый голос витали вокруг и вызвали приятную слабость. О завтрашнем дне Джон думал с предвкушением предстоящей встречи.

Готовиться к свиданию Джон начал с самого утра. Достав костюм на выход, он повесил его на спинку кровати. И вдруг вспомнил, как бедным юнцом смотрел на важно прогуливавшихся по аллеям парка молодых людей. То были настоящие dandy. Dandy, – это слово когда-то его гипнотизировало. А теперь и он может позволить себе купить приличный костюм. И с удовольствием пополнял свой гардероб. Подмигнув отражению в зеркале, Джон, будто удивленный увиденному там джентльмену, пригляделся к зеркальному образу. Статный молодой человек с искрящимися глазами; темные густые волосы, чуть волнистые, притягивали естественным блеском; прямой нос с небольшой горбинкой и четко очерченные губы придавали лицу вид легкой амбициозности. Джон с удовлетворением отметил: «Да, этот юноша вполне соответствует образу dandy». Прикрыв глаза, Джон в грезах мечтаний представил себя и Клер. И эти двое ему очень понравились.

Окинув себя в зеркале, Джон спешно отправился на работу.

Джону так хотелось увидеть Клер, что он готов был подвести стрелки настенных часов, которые, как ему казалось, медленно, очень медленно двигались. А также включить все мощности производства, полагая этим приблизить час встречи. Джон с нетерпением ждал конца дня.

И вот он свободен.

Теперь он ожидал Клер не в зарослях, а у её ворот, где вчера с ней попрощался.

Выйдя, девушка улыбнулась.

– Здравствуй, – её приветствие прозвучало бархатистым журчанием.

– Здравствуй... – И снова ступор. А сколько нежных слов застряло в его голове.

Девушка мягко произнесла:

– В городском парке выставка цветов. Пойдем...

– Ага, – выдохнул радостно Джон.

Поняв укоризненный взгляд девушки, Джон устыдился своего кургузого ответа. За время их знакомства девушка ненавязчиво старалась восполнить его образовательный пробел. И сейчас поняв, что её взгляд – очередной урок, юноша стеснительно произнёс:

– Пойдём.

Клер понятливо улыбнулась.

В парке было многолюдно. Но Джон видел только Клер. Магия контрастов яркого разноцветия, безоблачное, почти прозрачное небо, пение птиц побуждали к чувству благодати. Это просматривалось в пересекающихся взглядах молодых людей. Переполненный чувствами, Джон внутренне ликовал. Девушка, наполненная чувствами Джона, подставила руку под брызги фонтана и направила их на Джона. Тот сначала, как бы, опешил, а потом и сам присоединился к игре чувств и куража. Клер, смеясь, запрокинула голову. Волосы, отливаясь золотым блеском, разметались по плечам. Водяная пыль, словно алмазные гранулы, засияла в рыжей копне волос. Смех Клер, упоение окружающей красотой погрузили Джона в мир счастья. Он восхищенно произнес:

– Какая же ты красивая.

Клер лукаво проговорила:

– Ты хорошо разбираешься в красоте.

Джон покраснел, и заученно произнес:

– Ага.

Клер весело рассмеялась.

– Я про твои изделия.

Джону смотрел на Клер и в душе у него ликовало. Ему хотелось без конца слушать её голос, любоваться ею. Переполненные его чувства растворялись в синих глазах девушки. Джон робко поцеловал Клер. Ответом со стороны девушки – был блеск её глаз. И уже без сомнения в голосе он сказал:

– Клер, я завтра буду снова ждать тебя.

Мысль о том, что и завтра, и в последующие дни он будет с Клер, будоражила его воображение. И встреча представлялась упоенной картиной. Вздыхая, ворочаясь, Джон подгонял время на встречу Фортуне. И в этом благоденствии, казалось, что колесо счастья не свернет с их пути.

На следующий день Клер пришла раньше их определённого часа. Неожиданное появление девушки несколько удивило Джона. По взволнованному виду девушки юноша понял, что произошло. Клер подтвердила его догадку.

– Заболела тетушка Анат. Я тебе рассказывала о ней. Я должна уехать.

Джон растерянно спросил:

– Когда...

– Завтра.

– Надолго...

– Не могу точно сказать. Все будет зависеть от хода болезни.

Джон смотрел на Клер и ему так не хотелось расставаться. Когда он снова увидит Клер... Сколько он будет жить в ожидании весточки от любимой.

– Я тебе напишу. Обязательно. – Клер поцеловала Джона и спешно ушла.

Вечер и последующие дни Джон думал о Клер. Щемящее чувство всё сильнее охватывало его. Он с томлением ждал письма от своей Клер. «Милая, Клер! Моя любимая Клер. Почему молчишь...», – думал он, переполненный чувствами. И чтобы как-то унять тоску, он брал книгу, подаренную ему Клер. Листая её, Джон будто ощущал теплоту рук милой. И мысленно вёл с ней диалог. Делясь с любимой жизненными противоречиями – слушал её умные ответы. Эти виртуальные беседы унимали тоску и делали ожидание не столь томительным.

Прошло три месяца, а письма от Клер не было. Да и отца Клер Джон не встречал. По делам торговец находился в частых отъездах. Но однажды Джон увидел торговца. Сломя голову он кинулся к нему. Желание узнать о любимой, а возможно и получить от неё весточку, было таким сильным, что Джон даже не придал значения отрешённости перекупщика.

– Я вас долго не видел. И Клер не писала...

Тот опустошенно посмотрел на Джона, и жестом показал подождать у дома.

Через несколько минут, которые показались Джону вечностью, торговец вышел. В руках держал письмо. Не обратив внимания на расстроенность того, Джон с радостным порывом взял послание от любимой. Развернув лист, он с упоением вчитывался в долго-жданное слово: «Здравствуй, Джон. Я знаю, ты ждешь мое письмо. Прости, что долго не писала. Тяжелая болезнь тетушки Анат выбивает меня из сил. А мне не хочется перекладывать на тебя свои переживания. Но как только болезнь тетушки отступит, я обязательно тебе напишу» ... Здесь письмо прерывалось. И снова: «Вот и не стало моей родной Анат. От меня, словно, оторвали частицу меня. Джон, милый Джон, как мне хочется увидеть тебя. Приехал отец. Через него я передам тебе письмо и свою «Love». Джон, твои чудесные изделия со мной. Значит и ты со мной. Возможно, я скоро вернусь. И мы увидимся. До встречи»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.